

и приглашенные преподаватели из других учебных заведений: перечень приглашенных на выпускные экзамены лучших университетских профессоров говорит об уровне и серьезности испытаний.¹⁸⁷

Мережковский готовился к экзаменам серьезно. В апрельском письме к С. Я. Надсону он писал: «Сегодня у нас в гимназии кончились классы. Буду готовиться к экзаменам по 8 часов в день. Вы, Семен Яковлевич, и вообразить себе не можете, какая египетская работа предстоит мне...».¹⁸⁸

¹⁸⁷ На экзамен латинского языка в экзаменационный совет был приглашен профессор римской словесности Петербургского университета Иосиф Антонович Шебор, на экзамен по математике знаменитый математик, в будущем академик, тогда профессор физико-математического факультета Петербургского университета Андрей Александрович Марков, на экзамен по истории профессор всеобщей истории и античности Петербургского университета Василий Васильевич Бауэр (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 5).

¹⁸⁸ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 181.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-133-144

© Е. А. Глуховская

В. О. НИЛЕНДЕР В КРУГУ ПОЭТОВ «НЕО-ПУШКИНСКОЙ ШКОЛЫ»*

В рецензии на книгу Сергея Соловьева «Цветы и ладан» (1907) Борис Садовской отметил: «...все почти стихотворения г. Соловьева отличаются безупречною ясностью и чистотой стиля, — качества, доказывающие, что в деле словесного искусства поэт достиг высокого совершенства. По общему характеру своего теперешнего творчества г. Соловьев должен быть причислен к числу виднейших представителей нео-пушкинской школы».¹ Подробнее об особенностях «нео-пушкинской школы» рецензент не говорит, но авторское предисловие к книге позволяет сделать вывод, что речь идет о поэтической форме, идеале красоты и синтезе языческого (античного) и христианского начал.²

В предисловии к своей первой книге стихов «Позднее утро» (1909) Садовской уже упоминал не школу, а «нео-пушкинское течение» в современной поэзии, продолжающее традиции пушкинской эпохи: «Причисляя себя к поэтам пушкинской школы, я в то же время не могу отрицать известного влияния, оказанного на меня новейшей русской поэзией, поскольку она является продолжением и завершением того, что дал нам Пушкин. С этой стороны, минуя искусственные разновидности так называемого „декадентства“, которому Муза моя по природе всегда оставалась чуждой, я примыкаю

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)».

¹ Садовской Б. [Рец. на:] Сергей Соловьев. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907 // Русская мысль. 1907. № 6. Библиографический отд. С. 106–107.

² Соловьев С. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907. С. 7–10. Идея синтеза, очевидно, восходит к первой символистской работе о Пушкине — статье Д. С. Мережковского, в которой автор говорит о поэте как творце, стремящемся объединять мировые антиномии (язычество–христианство, Запад–Восток, искусство–жизнь и т. д.) и гармонизировать их в творчестве: «...миросозерцание Пушкина, так же как всех истинных людей Возрождения, — например, Гете и Леонардо да Винчи, — шире нового мистицизма, шире язычества. Если Пушкин не примиряет этих двух начал, то он, по крайней мере, подготавливает возможность грядущего примирения»; «Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литературе, а в русской единственное явление гармонического сочетания, равновесия двух начал» (Мережковский Д. С. А. С. Пушкин // Философские течения русской поэзии. СПб., 1896. С. 22, 44). К этому поэтическому идеалу и призывает Соловьев во вступительной статье к «Цветам и ладану».

ближе всего к нео-пушкинскому течению, во главе которого должен быть поставлен Брюсов. Основные черты моего творчества были бы намечены не с должной ясностью, если бы я забыл упомянуть имя Фета».³ Отрицая декадентство и утверждая свою связь с классической русской поэзией, воспринятой сквозь призму символистских опытов адаптации и интерпретации пушкинской традиции, Садовской выстраивает генеалогию «нео-пушкинского течения» — от Пушкина через Фета к Брюсову и поэтам «брюсовского круга» — Соловьеву и Садовскому.⁴

Другой литератор, включенный Садовским в «нео-пушкинское течение», — Юрий Сидоров, многообещающий поэт, скоропостижная смерть которого в январе 1909 года не дала раскрыться его таланту.⁵ При жизни Сидоров опубликовал всего несколько стихотворений, однако его посмертный сборник стихов, подготовленный Садовским, был благоосклонно встречен критикой.⁶ Стихотворным текстам в сборнике Сидорова предшествовали три небольшие вступительные статьи — Белого, Садовского и Соловьева. В статьях последних двух представляется духовная и эстетическая эволюция Сидорова, ведущая к той же идее гармонического синтеза: «Призраки Египта и Византии, неизменно владея его мечтами, уже не насыщали, как прежде, испытующего ума: смутная потребность какого-то последнего синтеза неясно предчувствовалась его душой. <...> Поэтическим божеством Юрия был Пушкин», — писал Садовской.⁷ Со связи Сидорова и поэтов пушкинского круга начинается свой очерк и Соловьев: «...талант строгий, закала Пушкинской плеяды, особенно родственной Баратынскому».⁸ Столь ценимые Соловьевым строгость поэтической формы и синкретичность мировоззрения выделяются в качестве характерных черт творчества Сидорова: «В стихах его мы находим преимущественно чеканку формы, изящество, изображение романтического чувства. Одним из главных вопросов за последнее время был для Сидорова вопрос о судьбе Пушкина и Гоголя. <...> Гоголь являлся для него носителем христианского, аскетического начала, Пушкин — идеала языческого. Борьба Гоголя и Пушкина в современной поэзии явилась для проникнутого Мережковским сознания Сидорова чем-то вроде борьбы Христа и Антихриста. <...> После лета 1908 года Сидоров вернулся страстным пушкинианцем. Пушкин был для него уже не язычником, а солнечным богом, погибающим в борьбе с титанами мрака».⁹

Утверждение Садовского о появлении в рамках русского символизма новой литературной группы было небезосновательным: начинающих поэтов объединяли дружеские отношения и общие эстетические установки — противостояние разрушительному декадентству современности и ориентация на поэтическую традицию и культуру прошлых веков. Обращение к пушкинской эпохе, вероятно, было обусловлено консервативно-монархическими политическими предпочтениями Садовского и стало ответом на политический и литературный хаос пореволюционного времени. Свои представления о творчестве молодые литераторы развивали на вечерах в квартире Сергея Соловьева,¹⁰ вместе они предприняли попытку организовать собственный печатный

³ Садовской Б. Позднее утро: стихотворения Бориса Садовского. 1904–1908. М., 1909. С. 3. Работа над книгой была закончена в конце 1908 года.

⁴ О рецепции образа Пушкина у русских символистов см.: Минц З. Г. У истоков «символистского Пушкина» // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 146–149; *Paperno I.* Пушкин в жизни человека Серебряного века // *Cultural Mythologies of Russian Modernism: from the Golden Age to the Silver Age.* Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 19–51.

⁵ Подробнее о нем см.: Лавров А. В. Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 204–225.

⁶ Сидоров Ю. Стихотворения. М., 1909. При жизни Сидорова было опубликовано два его стихотворения («Новые варвары» и «Сновидец, ты миру послал откровенье...») в альманахе «Хризопрас» (Хризопрас: Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М., 1907. С. 27–28).

⁷ Садовской Б. Памяти друга // Сидоров Ю. Стихотворения. С. 14–15.

⁸ Соловьев С. Юрий Сидоров // Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 17–18.

¹⁰ Философ и богослов Николай Арсеньев, посещавший кружок в 1906–1907 годах, вспоминает: «Студентом 1 курса бывал я на интимных литературных вечеринках на квартире молодого

орган — издательство «Самоцвет», выпустившее единственный альманах «Хризопрас».¹¹ Исследователи, в частности А. В. Лавров, также отмечали стилистическую близость этих поэтов: «Отчетливо обозначаются в стихотворениях Сидорова „неоклассические“ тенденции, характерные и для одновременно рождавшихся поэтических опытов его друзей — Бориса Садовского и Сергея Соловьева, и для авторов, с которыми он не был лично связан (например, для петербуржца Юрия Верховского)».¹² Однако был еще один литератор, которого необходимо упомянуть в этом контексте. Садовской вспоминал: «Соловьев был моим товарищем по классическому отделению историко-филологического факультета. Вместе слушали мы курс латинской грамматики у А. А. Грушки и Петрония у М. М. Покровского, присоединялись к нам: третий классик, эллинист В. О. Нилендер и с филолофского отделения юный поэт Ю. А. Сидоров — оба случайные сотрудники „Весов“».¹³

Владимир Оттонович Нилендер (1883–1965)¹⁴ родился в Смоленске, где его дед после окончания Дерптского университета получил должность преподавателя древних языков в Мужской классической гимназии.¹⁵ Отец Нилендера Отто Августович также преподавал древние и современные языки в этой гимназии, а в 1894 году был назначен директором Рославльской мужской прогимназии, в которой и начал свое образование Владимир.¹⁶ Впрочем, не окончив 4-го класса, Нилендер перевелся

поэта Соловьева <...>. Собирались там его друзья и товарищи, также молодые поэты-символисты или начинающие ученые. <...> Вообще я преднамеренно тогда изолировался от окружающих волн столь модного тогда радикально-интеллигентского несимпатичного мне кликушества в стиле Леонида Андреева с его потугами на глубокомыслие, а также от не менее мне несимпатичного „оргиастического“ символизма. От первого кружок Соловьева был, впрочем, чист, а оргиастический символизм при личном общении тоже был в нем мало заметен. В нем ощущался истинный идеалистический порыв-борьба за право красоты. За права духа и религиозного начала против материалистического отрицания» (*Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt a/M., 1974. С. 64–66*).

¹¹ Осенью 1906 года группа студентов Московского университета решила издавать ежемесячный журнал. Садовской первоначально к этому замыслу отношения не имел и был привлечен к участию в качестве одного из авторов Сидоровым. Вскоре идея о выпуске студенческих сборников превратилась в амбициозный проект издательства с ежемесячными альманахами. Первым номером стал альманах «Хризопрас» (1907), однако продолжения не последовало. Подробнее об этом проекте см.: *Глуховская Е. А. Из истории литературной борьбы 1906–1907 годов: сборник «Хризопрас» // Русская литература. 2018. № 4. С. 97–104.*

¹² *Лавров А. В. Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни. С. 210.*

¹³ *Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Д. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М., 1993. Вып. 13. С. 33.*

¹⁴ Основные биографические сведения о нем см.: *Агеев А. Слышу умолкнувший звук // Край Смоленский. 1997. № 1–2. С. 22–27; Полтавская Л. В., Новиков Л. А. Нилендер Владимир Оттонович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 332–333; Рафаева А. В. Владимир Нилендер // Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... М., 2010. Кн. 5. От Андрея Белого до Павла Флоренского. С. 221–225; Лотарева Д. Д. Незвестная автобиография В. О. Нилендера — ратника 2-го разряда, рядового 193-го пехотного запасного полка // Русская литература в историко-культурном контексте первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 841–842; Владимир Оттонович Нилендер. Автобиография / Подг. текста и комм. Д. Д. Лотаревой // Там же. С. 843–850.*

¹⁵ Август Львович Нилендер (1818–1887) — потомственный дворянин, статский советник; начал преподавать в Смоленской мужской гимназии с 1843 года (старший учитель латинского и греческого языков), в 1868 году был назначен инспектором, а в 1874 переведен в только что открывшуюся Рославльскую четырехклассную прогимназию. Был женат на Фридерике Герекке, имел троих детей: Отто (1848), Леопольда (умер в 1852 году в возрасте трех лет), Эмилию (1850). Автор учебника «Латинская грамматика, курс 1 и 2 для 3 и 4 классов, составленная старшим учителем Смоленской гимназии Нилендером» (М., 1862).

¹⁶ Отто Августович Нилендер (1848 — после 1917) — действительный статский советник (с 1905 года); от первого брака (жена — Наталья Васильевна, умерла в 1887 году) дети: Наталья (1882), Владимир (1883), Василий (1887); от второго брака — Елена (1894), Лев (1896). Василий Нилендер в 1906 году, после обучения в Смоленской классической мужской гимназии, поступил на физико-математическое отделение Московского университета, откуда в 1907 году перевелся в Киевский университет (подробнее см. в студенческом личном деле: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 320.

в Морской кадетский корпус в Петербурге, однако, как позже он напишет в автобиографии, «встреча у известного поэта Случевского с Валерием Брюсовым решила мою судьбу: корпус стал невыносим; вскоре был исключен».¹⁷ В 1903 году Нилендер поступил на юридический факультет Московского университета, на следующий год перевелся на историко-филологический и сблизился с московскими литературными кругами.¹⁸ Нилендер был членом кружка «аргонавтов», печатал рецензии в журналах «Весы» и «Золотое Руно».¹⁹ В 1907 году в альманахе «Хризопрас» было опубликовано четыре стихотворения Нилендера и перепечатана рецензия из «Золотого Руна».²⁰ Нилендер входил в ближайший круг сотрудников книгоиздательства «Мусaget», где в серии «Орфей» вышла переведенная им книга «Гераклит Ефесский. Фрагменты» (1910).²¹ В этом издании было объявлено также о подготовке переводов «Гимны Орфея» (книга указывается в каталоге «Мусagета» за 1912 год) и «Ксенофан Колофонский. Фрагменты», которые, однако, так и не были опубликованы. С 1911 года Нилендер служил секретарем издательства Сабашниковых, где работал над «Собранием греческих лириков в переводе русских писателей» (в рамках серии «Памятники мировой литературы»). Это издание не состоялось, некоторые тексты из него Нилендер позже включил в книгу «Греческая литература: В избранных переводах» (1939).²² Со

Ед. хр. 1175). Елена Нилендер в 1912 году окончила Рославльскую женскую гимназию, с 1915 года преподавала немецкий язык в Рославльской учительской семинарии.

¹⁷ Цит. по: Владимир Оттонович Нилендер. Автобиография. С. 843. В 1903 году Нилендер сдал экзамены при Смоленской мужской гимназии и получил свидетельство о знании курса восьми классов по древним языкам.

¹⁸ См. личное дело студента В. О. Нилендера в архиве Московского Императорского университета: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а.

¹⁹ В «Весях» были напечатаны две рецензии Нилендера: *Нилендер <sic!> В.* [Рец. на:] Очерки по истории Германии в XIX веке. Том 1. Происхождение современной Германии. Перевод с немецкого В. Базарова и И. Степанова. Издание С. Скимунта. С.-Петербург. Ц. 2 р. // Весы. 1905. № 2. С. 64–65; *Нилендер В.* [Рец. на:] Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем, с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида, И. Ф. Анненского. С.-Пб. т-во «Просвещение» // Весы. 1908. № 4. С. 51–53. В конце 1906 года две рецензии Нилендера также были опубликованы в «Золотом Руно»: *Нилендер В. 1*) [Рец. на:] Публий Овидий Назон. Песни любви (Amores). Перевод Я. Б. Издание Д. П. Ефимова. Москва, 1906. Ц. 1 р. // Золотое Руно. 1906. № 11–12. С. 155–156; 2) [Рец. на:] Гуго фон Гофмансталь. Драммы. Перевод Сергея Орловского. Москва. 1906. Ц. 1 рубль // Там же. С. 156.

²⁰ Стихотворения: «Иль в час, как меч красавца дня...» (с эпиграфом из Пушкина), «Три стихотворения» (I. «Вот летят лихие сани...», II. «На бледно-мраморные лица...», III. «Кони покорны в умелых руках...») (Хризопрас. С. 20–23). Заметим, что это единственные стихотворения Нилендера, которые были опубликованы при его жизни. Рецензия: *Нилендер В.* [Рец. на:] Публий Овидий Назон. Песни любви (Amores). Перевод Я. Б. // Хризопрас. С. 78–79.

²¹ Гераклит Ефесский. Фрагменты / Пер. [и предисловие] В. Нилендера. М., 1910. В рецензии на это издание С. Л. Франк невысоко оценил работу Нилендера («...переводчик настолько стремится сохранить обороты речи и расстановку слов оригинала, что как бы переводит не суждения, а слова; благодаря этому вместо перевода получается нечто непонятное»), отметил, что в предисловии к книге Нилендер подменяет «античного мыслителя каким-то утонченным символизмом, единомышленником современных мистиков-прагматиков» (Русская мысль. 1911. № 2. Критическое обозрение. С. 54). Об особенностях перевода Нилендера см.: *Гусева А.* Некоторые термины Гераклита в переводе В. О. Нилендера // VOX. Философский журнал. 2010. № 9 (<https://vox-journal.org/html/issues/vox9/141>). О взаимоотношениях Нилендера с Мариной Цветаевой и влияния на ее творчество переводов Нилендера см.: *Стрельникова Н. Д.* М. Цветаева и В. Нилендер, переводчик Гераклита Ефесского // Русская литература. 1992. № 1. С. 160–170; *Поликовская Л.* «Мудрец-филолог». Кто он? К биографии одного лирического героя Марины Цветаевой // Звезда. 1992. № 10. С. 173–179; *Войтехович Р. С.* К постановке проблемы «Цветаева и Гераклит» // Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая сер. Тарту, 2001. Вып. 4. С. 236–246.

²² Греческая литература: В избр. переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. Подробнее о работе Нилендера в издательстве Сабашниковых см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 127–150; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Ивано-

второй половины 1910-х годов переводческая и научная деятельность становятся основными занятиями Нилендера: он продолжает работать над «Гимнами Орфея» и другими религиозными текстами, однако ничего из этого так и не увидело свет. Только в послереволюционные годы вышли две книги переводов: «Прометей прикованный» Эсхила (совместно с С. М. Соловьевым) и трагедии Софокла (совместно с С. В. Шервинским в издательстве «Academia», где Нилендер работал редактором).²³

Архивных материалов, связанных с Нилендером, сохранилось немного, в большинстве своем они относятся к поздним годам жизни.²⁴ Основным свидетельством его литературных исканий в первое десятилетие XX века являются письма к Борису Садовскому.²⁵ Корреспонденция охватывает период с 1905 по 1911 год, наиболее интенсивным было общение в 1905–1908 годах, когда оба литератора по ряду причин проводят много времени вне Москвы. Письма носят личный характер и посвящены преимущественно двум темам — университетской жизни и литературному творчеству. Эти документы позволяют проследить становление творческих взглядов Нилендера и выявить их общность с представителями «нео-пушкинского течения», Соловьевым²⁶ и Сидоровым в частности.

Нилендер и Садовской познакомились, вероятно, в 1903 году, когда оба стали студентами юридического факультета Московского университета.²⁷ Первое из сохранившихся писем датируется 4 января 1905 года, когда Садовской, уже постоянный сотрудник журнала «Весы», был вынужден уехать к родителям в Нижегородскую губернию, а Нилендер остался в Москве и начал знакомство с литературным миром.²⁸ Первое письмо представляет собой подробный отчет о жизни Нилендера, при этом насыщенная творческая деятельность молодого поэта проходит в обстановке революционных волнений первых месяцев 1905 года: «Вы спрашиваете, что нового в „Весях“? Нового для меня там много. Это во-первых — разные лица каждый вторник. Я еще не разобрался в них и поэтому больше наблюдаю. Что же касается до литературных новостей, то вышел альманах Гриф, где помещена Ваша поэма „Грядущий“». ²⁹ О ней

ва, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–206.

²³ Эсхил. Прометей прикованный: Трагедия / Пер. с греч. С. Соловьева и В. Нилендера; вступ. статьи А. В. Луначарского и С. М. Соловьева. Прометей освобожденный. М.; Л., 1927 (переизд. в 1948 году); Софокл. Трагедии: I / Пер. В. О. Нилендера и С. В. Шервинского; комм. В. О. Нилендера. М.; Л., 1936. Подробнее о работе Нилендера в послереволюционные годы см. в воспоминаниях А. Ф. Лосева: Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере / Публ. и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Созидаящая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 283–294.

²⁴ ИМЛИ. Ф. 482; РГБ. Ф. 583. Среди документов Нилендера, относящихся к первым десятилетиям XX века, стоит отметить: РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 32 (письма Э. К. Метнеру); Ф. 25. Карт. 21. Ед. хр. 4 (письма А. Белому); Ф. 128. Оп. III. Карт. 18. Ед. хр. 29 (письма Н. Киселеву); Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 75 (письма Вяч. Иванову и В. Шварсалон).

²⁵ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 148 (письма Нилендера Владимира Оттоновича <Садовскому Борису Александровичу>. Приложены стихотворения В. О. Нилендера и Ю. А. Сидорова). Всего 43 письма (63 листа). Далее ссылки на материалы этой единицы хранения приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Фрагменты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания.

²⁶ О творческом пути Соловьева см.: Лавров А. В. «Продолжатель рода» — Сергей Соловьев // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 371–394.

²⁷ Окончив Нижегородскую гимназию, Садовской в 1902 году стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, однако уже на следующий год перевелся на юридический. В 1906 году Садовской вновь будет зачислен на историко-филологический факультет, классическое отделение.

²⁸ Садовской был приглашен Брюсовым в «Весы» практически с самого начала существования журнала. Подробнее об этом см.: Садовской Б. А. «Весы» (Воспоминания сотрудника). С. 7–53. Всего Садовским в «Весях» было опубликовано около семидесяти текстов.

²⁹ В феврале 1905 года вышел третий альманах книгоиздательства «Гриф», где была опубликована поэма Б. Садовского «Грядущий» (Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1905. С. 179–186). Брюсов в рецензии на альманах дал уничижительную характеристику поэме Садовского:

хотелось бы поговорить с Вами. Затем появился реформированный „Н<овый> Путь“, под заглавием „Вопросы Жизни“.³⁰ Он значительно отличается от прежнего Н<ового> Пути, и по совести сказать — тот мне больше нравился. Заметка моя будет помещена в ближайшем №, относительно Ваших узнаю у Вал. Яковл. <Брюсова. — Е. Г.> и напишу Вам немедленно.³¹ — Номер выйдет на днях. Видел рисунки для него Б. Мусатова.³² Занятия мои философией идут медленно. Я жду Вас, вдвоем будет легче заниматься. <...>

Вчера на Арбате у всех в глазах вздули двух студентов, а городской не пошевелился. Меня тоже усиленно зовут домой ввиду „тревожного времени“, но я — послал категорический отказ.

Я предпочитаю все-таки грязную Москву грязной провинции» (л. 1–2; письмо от 18 февраля 1905 года).

Представленные в последующих письмах рассуждения о современной литературе и собственном предназначении свидетельствуют, что Нилендер был внимательным читателем модернистских периодических изданий, и прежде всего журнала «Весы». На формирование взглядов Нилендера сильное влияние оказала полемика «весовцев» с «реалистами» в лице участников «Сборников товарищества „Знание“».³³ Сравнивая произведения символистов с творчеством Андреева и Горького, Нилендер пытается определить для себя природу символизма и задачи искусства: «Вот у Вас все возрастает энергия и работоспособность там в Нижнем. А у меня здесь в Москве полнейшая апатия и тоска. Я еще переживаю Sturm und Drang <sic> Period — меня окружает пока еще хаотичное море мыслей и впечатлений. Работать невозможно, мысли летят и сосредоточиться нельзя. Когда прояснятся горизонты и откроются ли дали — не знаю. Одно несомненно: вопрос о чистом и тенденциозном искусстве — хочу ли я быть великолепным фотографом жизни или проповедником, или тем и другим вместе — вопрос, который меня занимает. Но о нем еще поговорим после, т. к. я хотел бы узнать Ваши взгляды: кем надо быть поэту? Ведь надо же проверить себя, прежде чем решиться. Мне кажется, что этот вопрос не чужд и вам. Если решить его, тогда все открыто, тогда всякое дерзновение (хотя бы и бесталанное) оправдано. Я же думаю, что цель не в новых словах и путях, а в новых методах воздействия на толпу. Первое скорее относится к области чаяний и ожиданий, второе есть сила воплощенная и могучая. Надо

«Поразительную нескладницу написал наш сотрудник Б. Садовской под названием поэмы „Грядущий“. Рецензии г. Садовского в „Весях“ выдаются скорее трезвостью мысли, ясностью изложения; изобразить бред, как попытался он в поэме, ему совсем не по силам» (Весы. 1905. № 3. С. 62).

³⁰ Религиозно-философский журнал «Новый Путь» выходил с 1902 года под редакцией П. П. Перцова и при идейном руководстве Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. В феврале 1905 года было объявлено о замене его новым журналом — «Вопросы жизни» — во главе с редактором Н. О. Лосским. Предполагалось, что «Вопросы жизни» будут придерживаться того же направления, что и «Новый Путь», однако уже с первого номера стало ясно, что новое издание будет иметь яркую политическую направленность. Подробнее об этих журналах см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 179–233; *Колеров М. А.* «Вопросы Жизни»: история и содержание (1905) // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1991. Вып. 2. С. 264–283.

³¹ Во втором номере «Весов» за 1905 год была опубликована рецензия Нилендера на книгу «Очерки по истории Германии в XIX веке» (см. прим. 19) и две рецензии Садовского: *Садовской Б. 1*) [Рец. на:] Вл. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1905. Цена 1 руб. // Весы. 1905. № 2. С. 52–54; 2) [Рец. на:] Арвид Эрнефельт. Три судьбы. Повесть. Перевод с финляндского. Москва. 1904. Ц. 60 к. // Там же. С. 62.

³² Обложка и виньетки второго номера «Весов» за 1905 год были выполнены В. Борисовым-Мусатовым. Кроме того, в номере были опубликованы ранее не издававшиеся рисунки художника («Гобелен», «В парке», «У беседки», «Художница», «Два этюда»).

³³ Подробнее об этом см.: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* Весы // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1987. С. 89–93.

брать все краски, все цвета, все звуки. Отчасти все это нашло свое выражение в В<асии> Фивейском Андреева³⁴ — не правда ли?

Наивный реализм в искусстве уже чужд нам (напр<имер>, Боборыкин). Романтизм Горького условен и тенденциозен. Однако из обоих сложился тот же Андреев.

След<овательно>, весь вопрос сводится к вопросу о том элементе, который должен доминировать над этими двумя. Это символизм. Какое же значение имеет он в нашем мире явлений? Есть ли символ способ постижения явлений или сама суть явления как „вещи в себе“? Мне кажется, что — второе.

Символизм, проводя параллель, есть такой химический препарат, который разлагает простые элементы в жизни на еще простейшие. Напр<имер>, гнев — явление, понятие общее. Художник разлагает его на простейшие элементы, и мы видим, что „ужасное“ имеет самую простую подкладку. Вспомните приписку Карамазова „и цыпленочка“ — это разве не ужас, не бездна, не тайна сладострастия.³⁵ Я думаю так: искусство не требует никакой этической оценки, оно идет ко всему — и эта любознательность его ведет все к новому и новому раскрытию тайн (нуменов), к переводу их в разряд феноменов (явлений), к разложению их на эмпирические факты. Вот мой взгляд» (л. 4–5 об.; письмо не датировано).

Прерванная на время переписка возобновилась в мае 1906 года. К этому времени в литературной жизни Москвы произошли важные события: с января начал выходить новый журнал — «Золотое Руно», среди сотрудников которого оказался Садовской.³⁶ По своему направлению, тематике и составу авторов «Золотое Руно» было очень близко «Весам», что вызвало недовольство Брюсова. Отстаивая первенство «Весов» в деле развития «нового искусства», Брюсов выступил с несколькими критическими статьями, указывая на несамостоятельность и вторичность «Золотого Руна», в результате чего завязалась журнальная полемика, доходившая порой до откровенной грубости и способствующая размежеванию в символистском лагере.³⁷ На этом фоне Нилендер сообщил Садовскому, что пережил мировоззренческий кризис, и в декларативной форме заявил об отказе от декадентства и современности. В своих поисках Нилендер решил обратиться к славянской народной культуре и к «мифотворчеству»: «За эти полгода каждый из нас жил особо. Вероятно, расположение обоих на шахматной доске сильно изменилось. Не знаю, что теперь делаете и какой опыт приобрели Вы — про себя могу сказать следующее.

Я окончательно преодолел себя — и ушел от дряблого декадентства (понимаемого в худшем смысле — не дерзновение, а манерничание). Поэтому пришлось отказаться и от всего, что было создано до марта этого года. Я рад — ибо вина искуплена — я понес грехи <sic!> за поклонение шаблонам — и теперь отказываюсь от них, чувствую в себе тот холодок, который сопутствует сознанию своей силы.

Вместе с тем я удалился от современности настолько, что, напр<имер>, поэзия Вал. Брюсова — в этой ее части — меня только восхищает, но я не реагирую на нее.

³⁴ Рассказ Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» был опубликован в «Сборнике товарищества „Знание“» за 1903 год (СПб., 1904. Кн. 1. С. 5–98).

³⁵ Цитата из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Им совершенно тоже известно, что у Федора Павловича конверт большой приготовлен, а в нем три тысячи запечатаны, под тремя печатями-с, обвязано ленточкою и надписано собственною их рукой: „Ангелу моему Грушеньке, если захочет прийти“, а потом, дня три спустя подписали еще: „и цыпленочку“. Так вот это-то и сомнительно-с» (*Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 248*).

³⁶ В начале 1906 года в «Золотом Руно» было опубликовано три рецензии Садовского: *Садовской Б. 1) А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Издание третье. С.-Петербург. 1906 // Золотое Руно. 1906. № 2. С. 126–127; 2) А. Ф. Кони. Очерки и воспоминания (Публичные чтения, речи, статьи и заметки). С.-Петербург. 1906 // Там же. № 3. С. 138–139; 3) И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс. Цена 2 р. 75 коп. // Там же. № 4. С. 109–110.*

³⁷ Подробнее об истории создания «Золотого Руна» и его соперничестве с «Весами» см.: *Лавров А. В. «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. С. 457–485.*

Мне ближе что-то другое. Но что — я еще не знаю. Могу сказать только одно — насколько мне чужды все наши поэты! Все это прекрасно — но все это не волнует меня. Я еще не нашел себя, мысли мои летят скорее слов. Но они уже есть. — И это признал даже С. А. Соколов, который мне ответил большим письмом, где говорит: „во внутренних путях — Вы не схожи с Вяч. Ивановым, внешне Вы зависите от него“. Всем ясно, что я стою у мифотворчества в широком смысле слова, но не эллинского — у славянского. Это одна из моих главных тем: Блок («Балаган», «Петрушка», см. «Весы» № 5), Брюсов («Частушка») и некот<орые> др<угие>. Пути здесь еще свободны. Пусть это путь неблагодарный (см. Бальмона <sic!> — Золотое Руно — плохо), мне оно по душе.³⁸

Конечно, реализация теории требует уступок, компромиссов, перемещения перспективы, пропорционального увеличения ее. Все это очень сложно, работы предстоит много. Но об этом позже» (л. 10–10 об.).

Такой решительный разрыв с актуальным литературным процессом, вероятно, вызвал недоумение Садовского, поскольку в следующем письме Нилендеру пришлось уточнять свою позицию, поясняя, что он отказывается от участия в литературной борьбе: «Вы не совсем поняли, Борис, мои слова, что я ушел от современности. Конечно — я не могу быть ни членом какой-либо партии, ни активнее работать. Но дело в том, что я чужд этим муравьям, которые по песчинке растаскивают старое здание. Слишком они величают грубую силу, невежество свое, слишком высоко о себе мыслят — а сами пошлейшим образом враждуют между собою же именно тогда, когда нельзя враждовать. Получается впечатление, что все эти партии выдают обществу векселя, по которым платят вместо 1 р<убля> — 10 к<опеек>. Все это отталкивает. Но сама современность меня волнует и зовет. Хочется узнать — как Вы пишете — претворить в себе эту жизнь. Далее мои желания не простираются. Что же касается мифотворчества — то оно не есть моя единственная цель. Но скорее — оно идет наряду и с другими исканиями. Тайна смерти, тайна любви — вот что стоит передо мною» (л. 12 об. — 13).

При этом интерес к современности у Нилендера соседствует с изучением народной поэзии и переводами древнегреческих текстов: «Между прочим, занимаюсь фольклором. Нашел новые образы, иное понимание природы, новые размеры — с греческим пиррихием — в русских песнях. Готовлю перевод Электры, около 500 стихов уже вчерне готовы. Стараюсь передать самый стиль трагедии, чего, насколько мне известно, никто еще не пытался сделать.³⁹

Относительно моей поэзии — должен сказать, что пишу я мало, но подолгу сижу над шлифовкой. Производительность моя напоминает Брюсовскую: два-три стихотворения в месяц. В сентябре познакомлю Вас со своими произведениями» (л. 13–13 об.).

³⁸ В пятом номере «Весов» был опубликован цикл стихотворений Блока «Тишина цветет» (Весы. 1906. № 5. С. 1–16). В «Золотом Руно» на протяжении первой половины 1906 года печатались стихотворения Бальмонта из цикла «Ожерелье»: Золотое Руно. 1906. № 1. С. 38–41; № 2. С. 40–42; № 4. С. 37–39; № 5. С. 23–25; № 6. С. 23–25.

³⁹ Ко времени написания письма были известны следующие переводы трагедии Софокла «Электра»: Электра, трагедия Софокла / Пер. и прим. Н. Котелова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Т. 175. Отд. классической филологии. С. 89–162; Софокл. Электра / Введение, пер. и прим. И. М. Иванова. СПб., 1892 (Собрание римских и греческих классиков в русском переводе с примечаниями. Софокл. [Соч.]; вып. 2). Впоследствии большое распространение получил перевод Ф. Ф. Зелинского: Электра. Трагедия Софокла / Пер. Ф. Зелинского // Вестник Европы. 1912. Февраль. С. 25–59; Март. С. 3–36 (отд. отт.: Софокл. Электра. Трагедия / Пер. Ф. Ф. Зелинского. СПб., 1912); Софокл. Драмы / Пер., вступ. очерк Ф. Зелинского. М., 1914. Т. 1. Перевод Нилендера частично (стихи 1–119) включен в подготовленную им книгу «Греческая литература: В избранных переводах» (с. 252–255). Полный текст перевода Нилендера был опубликован значительно позднее в книге: Древнегреческая трагедия. М., 1956 (Школьная библиотека). Сопоставление русской тонической системы народного стиха с квантитативными метрическими размерами было проведено Ф. Е. Коршем: *Корш Ф. Е.* О русском народном стихосложении. I. Былины. СПб., 1897. Вып. 1. В начале 1940-х годов Нилендер защитил кандидатскую диссертацию, посвященную античной метрике («„Электра“ Софокла и ее метрика»). В фонде Нилендера в РГБ (Ф. 583) хранятся материалы незавершенной докторской диссертации «„Электра“ Софокла. Введение в сценическую поэтику древнеаттической трагедии».

Творческий кризис заставил Нилендера пересмотреть свое отношение и к мэтру русского символизма — Валерию Брюсову. Вместо непререкаемого авторитета и образца для подражания Брюсов начинает восприниматься как злой гений, в плену которого оказывается начинающий поэт. Выйти из-под влияния брюсовской поэзии, по мысли Нилендера, — единственный шанс обрести собственную индивидуальность: «Вот уже и месяц, как я переживаю некоторый кризис — настолько тягостный, что писать о чем-нибудь другом прямо нет сил. Знаете, Борис — Вы совершенно правы, я сделал шаг вперед, но это только чисто формальная сторона моей работы! Этого мало. Всякий поэт, по-моему, рано или поздно должен открыть свое лицо. Я тоже пытаюсь сделать это. Но раньше нужно освободиться от всех, кто силою своего таланта владеет моим воображением. Я говорю про Брюсова. Теперь, когда я стал опять писать, искать — этот маг всюду, на всех перекрестках шелестит своими одеждами.⁴⁰ И я куда не приду — знаю, что он тут был и ушел вперед. Идти за ним мучительно, да и пошло. Не знаю, чем окончится моя борьба с Брюсовым. Преодолею его — будет из меня поэт. Нет — останется лишь популяризатор великих идей. Хотя и сладко бороться с тем, кто безмерно сильнее тебя в данный момент — но далеко не сладко чувствовать разницу сил» (л. 19–19 об.; письмо от 18 июля 1906 года).

Следующее письмо датируется 4 марта 1907 года. В жизни Нилендера произошли события, которые на время заслонили размышления о творчестве. Из-за невнесения платы за обучение он был уволен из университета и вынужден уехать в Рославль, где его размеренная провинциальная жизнь была нарушена приездом Владислава Ходасевича. Товарищ Нилендера по университету, поэт, близкий к книгоиздательству «Гриф», Ходасевич в начале 1907 года переживал трудности в семейной жизни, нуждался в деньгах и, вероятно, по этим причинам был приглашен Нилендером погостить у его отца: «Гениальный Владислав живет со мною! Совершенно невозможно с ним заниматься. Этот человек совершенно не умеет себя держать. Он попросту — невоспитан. Обладает удивительной способностью расстраивать нервы. Его „гениальничание“ сменяется какою-то покровительственною игривостью, а последняя — нытьем или самовосхвалением. Признаться, все это необычайно надоело. Но что же делать? Человек без денег, без квартиры, без обеда! Никуда его не погонишь... Терпишь, потому что жалеешь, как жалеешь какого-нибудь сумасшедшего маниака... Ну да Бог с ним!» (л. 22).⁴¹

Другое важное событие в жизни Нилендера — бракоразводный процесс. Подробности его первого брака неизвестны, но, судя по письму Садовскому, который был приглашен шафером, решение жениться было спонтанным (см.: л. 61). В августе 1906 года Нилендер подал прошение на имя ректора о разрешении на брак с Софьей

⁴⁰ Магом, повелевающим всем миром, представил Брюсова А. Белый в стихотворении «В. Я. Брюсову» («Я в свисте временных потоков...», 1903), впоследствии вошедшем в книгу «Золото в лазури» под названием «Маг». Этот образ был повторен в стихотворении «Маг» («Упорный маг, постигший числа...», 1904). В последующих произведениях (например, роман «Огненный ангел») и жизнетворческих практиках Брюсов активно развивал этот образ, что не осталось незамеченным современниками.

⁴¹ В одном из августовских писем история с Ходасевичем получает продолжение: «По моим уговорам отец послал ему телеграмму с предложением поступить к нему (т. е. отцу) в гимназию преподавателем русского яз<ыка>, истории и др<угих> пр<едметов>. Жалование более 150 р. в месяц, да еще какие-то занятия. Глуп будет Владислав, если откажется. Кстати — от него ни слуха, ни духа!» (л. 28 об.; письмо от 22 августа 1907 года). Однако Ходасевич этой возможностью не воспользовался: «Владислав прислал моему отцу глупый ответ: „Благодарю. Скоро напишу“. Он, очевидно, не понимает, что на деловую телеграмму отвечают немедленно. Рёге мой удивлен: сколько за 35 лет службы он не посылал телеграмм, но такой еще не получал» (л. 29 об.). Подробнее о жизни Ходасевича в этот период см.: *Шубинский В.* Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011. С. 122–128; *Киссин С. (Муни)*. Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В. Ф. Ходасевичем. М., 1999. С. 288–289. Комментаторы писем Н. Петровской В. Ходасевичу предполагают, что поэт крупно проигрался в карты и потому был вынужден уехать из Москвы (Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 374).

Михайловной Ставской,⁴² а в марте 1907 года уже сообщал Садовскому: «...получил письмо от некоего „ходатая“ Филипченко — жена просит развода, но настаивает, чтобы вину я взял на себя. На развод я, конечно, согласен, но вину брать на себя не хочу. Так и ответил. Подождем, что будет дальше. Пока собираю некоторые справки и сведения для ведения дела» (л. 22 об.).⁴³

С весны 1907 года в письмах Нилендера начинает упоминаться имя Юрия Сидорова, с которым Садовской и Нилендер познакомились осенью 1906 года, когда Сидоров поступил в университет. Очень быстро Сидоров становится близким другом обоих и завсегдатаем литературных вечеров. Летом 1907 года Нилендер не без гордости пишет: «Что Юрий — писал ли ты или он (ему или тебе)? Я, кстати, с Юрием на „ты“». Очень рад буду видеть его» (л. 27; письмо от 15 августа 1907 года). С начала 1908 года Сидоров постоянно упоминается Нилендером, восхищение начинающим поэтом нарастает с каждым письмом: «Мне весьма прискорбно, но должен сознаться, что нет у меня ни одного стихотворения, которое я решил бы тебе прислать. Юрий написал 21 стихотворение и поэмы строк в 150! Черт Вас, милые мои, поberi! Затерли меня несчастного совсем!» (л. 48 об.). И далее: «Юрий идет громадными шагами вперед. Не узнаешь: очищение слога, точность и искренность — прямо не узнаешь» (л. 50). Общение с Сидоровым и Сергеем Соловьевым является важной частью литературного быта Нилендера: «У Шмеля <Соловьева. — Е. Г.> был на четверге, вижусь с ним почти ежедневно. Был и у Юрия, вижусь и с ним. Обоих их я люблю, откровенен с обоими» (л. 37; письмо от 10 февраля 1908 года).⁴⁴

На протяжении всего 1907 года Нилендер посещал литературные встречи, читал ведущие журналы, писал стихотворения и обсуждал их с Садовским. При этом в письмах отчетливо проявляются новые творческие приоритеты друзей: «Увлекаюсь Фетом. Как надо писать — „одним толчком согнать ладью живую с наглаженных отливками песком <sic!>“ — помнишь?⁴⁵ Но разве все так пишут? А Пушкин порою! А Вал. Як. всегда?» (л. 28 об.; письмо от 22 августа 1907 года).

Все более очевидным к началу 1908 года становится интерес Нилендера к русской поэзии XIX века, чему немало способствует перевод с классического отделения на отделение русского языка и словесности: «Юрий <Сидоров. — Е. Г.> читает Мандельштама о Гоголе. Он этой книги не ругает, а по-моему — много в ней глупого.⁴⁶ Читаю Случевского, Веневитинова, Дельвига — словом, всех поэтов, которых не знаю или мало знаю.

Перевожу „Трахинянок“ Софокла. Пишу (О, Владислав!) реферат о „Слове“ для просеминария Шамбинаго.⁴⁷ — Я опять перешел на словесность. Причины —

⁴² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а. Л. 39. Ср. в «Воспоминаниях» А. Цветаевой: «У него (Нилендера. — Е. Г.) была жена, ее звали Софья. Это было после морского училища. Ее с ним нет. Они были счастливы. „Ах, это было ужасно...“ — говорит он, каким-то всплеском не замечая несходности двух своих фраз рядом, но мы понимаем единство (конечно, оно и есть — так...)» (Цветаева А. Воспоминания: В 2 т. / Подг. Ст. М. Айдиняном. М., 2008. Т. 1. 1898–1911. С. 503).

⁴³ Развод был оформлен 11 июня 1908 года «вследствие доказанного прелюбодеяния от вetchика», т. е. В. О. Нилендера (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 325. Д. 1180а. Л. 35 об., 37–37 об.).

⁴⁴ О четвергах Соловьева см. прим. 10.

⁴⁵ Цитата из стихотворения А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» (1887). Об увлечении Садовского поэзией Фета см.: Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. Т. 1. С. 106–183.

⁴⁶ Речь идет о книге И. Е. Мандельштама «О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка» (Гельсингфорс, 1902), рецензия Садовского на которую в 1906 году была опубликована в «Золотом Руне» (1906. № 4. С. 109–110). Критик упрекает автора в сухости филологических изысканий и бесцветности выводов и суждений, отмечая при этом, что язык Гоголя «особый цельный организм, создавшийся по собственным, живым законам», и во многом схож с языком представителей современного нового искусства, например А. Белого (Там же. С. 110).

⁴⁷ Сергей Константинович Шамбинаго (1871–1948) — приват-доцент, с 1914 года профессор; специализировался в области древнерусской литературы и фольклора. Подробнее о нем см.: Теорогов О. В. Шамбинаго Сергей Константинович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 214–216. Шамбинаго вел на историко-филологическом факультете

при свидании, если только хочешь, выясню» (л. 36–36 об.; письмо от 4 февраля 1908 года).

В этот период Нилендер одновременно изучает древнегреческую и древнерусскую литературу, что, вероятно, было обусловлено влиянием университетских штудий. В специфике его занятий отразилась также идея синтеза языческого (античного) и христианского начал, столь важная для Соловьева и Садовского: «Что я теперь делаю? Читаю всех наших поэтов. Перевожу Софокловых „Трахинянок“. С восторгом погружаюсь в Киевскую Русь — и благоговею перед Погодиным! Пишу сочинение, о древней русской лирике, о мифологии Киевской; готовлю реферат о „Слове“ для Шамбинаго; читаю французские книжечки. Зреют и стихи — но еще не пишу» (л. 38; письмо от 10 февраля 1908 года).

Прохождение университетского курса на нескольких отделениях представлялось Нилендеру обязательным условием успешного достижения искомого синтеза: «У Шмеля давно не был и не видел его с месяц, у Юрия тоже. Но последнего звал к себе, и мы (для меня по крайней мере) провели время интересно. Башковитый все же Юрий. Но... зачем он философ? Как будто хочет переходить в классики — это значит движение по всей линии. Один только Шмель, как дуб кряновистый, — недвижим».

Я все сижу дома и погружаюсь душою то в божественную Элладу, то в Святую Русь. А в промежутке читаю нашу новую литературу и журналы. Я так веду свои занятия: неделю — в Греции; неделю — на Руси. И сживаешься, и разнообразнее. Такой способ — наслаждение» (л. 40 об. — 41; письмо от 6 марта 1908 года).

Лето 1908 года Нилендер провел в имении Брюсовых Андреевка под Тарусой, куда был приглашен в качестве учителя для младшей сестры В. Я. Брюсова: «Живу я у Лидочки Брюсовой.⁴⁸ Занимаюсь с ней ежедневно и уже начал Платона. Девушка весьма способная; хотела бы поступить на классическое отделение. Весьма со мной мила и любезна. Кормит великолепно. Оброс бородою, так как Таруса в 10 верстах и туда не выберешься. Читаю Гоголя и Гомера день за днем. Стихи не пишутся; это все же лучше, чем писать, когда не пишется. Играю в крокет, но площадка скверна. В Тарусе навестил Ариэллы.⁴⁹ Он парень славный; какие у него книги и гравюры! Парень с большими сведениями и живой. Но стихотворно — неплоден, по-видимому. Подавлен

«Просеминарий по русской литературе: чтение, перевод и комментарий „Слова о полку Игореве“ и рефераты на темы, связанные с толкованием памятника» (см.: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета в 1907–1908 акад. г. М., 1908. С. 25).

⁴⁸ Лидия Яковлевна Брюсова (1888–1964) впоследствии стала профессором химии, была замужем за другом Ходасевича С. В. Киссиным (1885–1916, лит. псевдоним — Муни). Подробнее о ней см.: *Киссин С. (Муни)*. Легкое бремя. С. 334–335.

⁴⁹ Псевдоним Анатолия Корнелиевича Виноградова (1888–1946) — писателя, переводчика, директора Румянцевского музея (1921–1924). Родители Виноградова имели дом в Тарусе, где семья обычно проводила лето. Там с Анатолием и его сестрой Ниной познакомились сестры Цветаевы. Подробнее об отношениях Виноградова и Цветаевых см.: *Цветаева А.* 1) Воспоминания. Т. 1. С. 440–443, 455–459; 2) Об очерке моей сестры Марины Цветаевой «Жених» 1933, Париж // Южное сияние. 2017. № 1 (21). С. 80–84; *Айдинян Ст.* Анатолий Виноградов и Цветаевы // Там же. С. 79–80. По воспоминаниям А. Цветаевой, именно Виноградов познакомил их с Нилендером: «Еще год назад мы встретили у Виноградовых друга Толи, о котором он и до того часто упоминал, как и о Серее Соловьеве, Владимира Оттоновича Нилендера, молодого филолога, папиного ученика» (*Цветаева А.* Воспоминания. Т. 1. С. 492). В 1906 году Виноградов поступил на естественный факультет Московского университета, в 1908-м перешел на философское отделение историко-филологического. Был дружен с Садовским, Соловьевым и Сидоровым; под псевдонимом «Ариэллы» опубликовал стихотворение «Одолень-трава» в альманахе «Хризопрас» (Хризопрас. С. 7–8); был включен А. Белым в 1909 году в список будущих сотрудников книгоиздательства «Мусaget» (Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. М., 2017. Т. 1. 1902–1909 / Вступ. статья А. В. Лаврова; подг. текста, комм. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. С. 679). В 1913 году в «Мусагете» вышла книга «Ангеллы» Ю. Словацкого в переводе Виноградова (*Словацкий Ю.* Ангеллы / Пер. А. Виноградова. М., 1913). Подробнее о жизни и творчестве Виноградова в 1900–1910-е годы см.: *Айдинян Ст.* А. Ранние годы Анатолия Виноградова (по архивным изысканиям) // Пoesия Московского университета: от Ломоносова и до... М., 2011. Кн. 6 / Под ред. Н. Н. Перцовой. С. 130–151.

разными вопросами. О язвительности его книги не могу сказать. Думаю, впрочем, что напрасно смеялся над ним. Ариэлли далеко пойдет, если побольше будет работать над своими стихами, а не спорить о Мережковском или Гиппиус. В этом отношении он может быть поддержан лишь Юрием, но не мной.⁵⁰ Я желал бы всего попроще. И те вопросы — богословие — которые так их волнуют — мне мало понятны» (л. 46–46 об.; письмо от 1 июля 1908 года).⁵¹

Удаленность от центра литературной жизни, с одной стороны, и вынужденная близость к семье Брюсова с другой, вероятно, явились поводом для рефлексии. В конце этого письма Нилендер делает примечательный рисунок: на нем, подобно профилям декабристов с обложки «Полярной звезды» А. И. Герцена, в окружность вписаны профили Садовского (на первом плане), за ним Сидорова, Соловьева и Нилендера. Эти изображения сопровождаются подписями и указанием дат — 1906, 1907, 1908 — времени тесного общения студентов-литераторов. Рисунок Нилендера в шуточно-дружественной форме конституирует существование литературной группы, которая зародилась в университетских стенах и развилась в редакциях журналов, на вечерах и собраниях литературных обществ, в общении друг с другом. Иерархия в расположении поэтов на рисунке Нилендера отражала распределение ролей: идеолог и организатор Садовской на первом плане; следом за ним Сидоров — многообещающий талант, чье творчество должно было стать воплощением поэтических идеалов группы; затем Соловьев, первопроходец на путях «нео-пушкинианства»; и, наконец, скромный Нилендер, реализовывавший эстетические установки группы преимущественно в своих филологических занятиях и переводческой деятельности. Скоростипажная смерть Юрия Сидорова разрушила наметившийся было литературный союз. Последующие письма Нилендера, тяжело переживавшего смерть друга, посвящены в основном вопросам университетской и личной жизни, проблемы собственного поэтического творчества автор больше не затрагивает.

⁵⁰ На интерес Сидорова к «неохристианству» Мережковских указывал Садовской: «Увлеченные идеями г. Мережковского, бывшего в то время одним из любимейших писателей Юрия, достигло тогда в нем наибольших пределов. На личности г. Мережковского были сосредоточены все надежды Юрия до самых последних месяцев его жизни. Надеждам этим суждено было окончиться глубоким разочарованием» (Садовской Б. Ледоход. Пг., 1916. С. 158).

⁵¹ Иллюстрацией этого периода жизни Нилендера могут служить фотографии из архива Брюсова, на которых Нилендер изображен в компании Bronиславы Матвеевны Рунт, Евгении, Лидии и Надежды Брюсовых в Андреевке (РГБ. Ф. 386. Карт. 123. Ед. хр. 38).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-144-172

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 2. Н. А. БЕРДЯЕВ В «ДНЕВНИКАХ» Т. Н. ГИППИУС (1906–1908)*

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Из «дневников» 1906 года

9 марта. «<...> Вернулись от Вяч. Иванова.¹ Был Булгаков и Волжский. Приехали из Киева на несколько дней.² Волжский³ потолстел, порозовел и весел. С Булгаковым вместе все. Бердяев председательствовал.⁴ Беседа о соединении искусства с рели-

* Продолжение. Начало см.: Русская литература. 2020. № 4. С. 218–233. Недописанные и сокращенные слова, чтение которых не вызывает сомнений, раскрываются без оговорок, имена собственные, сокращенные в авторском тексте не единообразно, раскрываются.